

Я поднялся из сабвея на Вест 4-й и увидел стоящих на мостовой людей. Прикрывая глаза козырьком ладоней, все они смотрели в одном направлении – на юг. День был ослепительный: в глубоком голубом небе, какое в Нью-Йорке бывает только ранней осенью, – ни облачка. На боковой стене одного из Близнецов – на ярком солнце они просто сияли белизной – была видна неровная черная полоса, как будто пробили ножом дыру в гофрированной жести и потом, разрывая края, продлили надрез. Из надреза к небу поднимались узкие струйки белого дыма. Странное дело – по сей день не могу понять, почему я даже не задумался о том, откуда мог взяться этот надрез – ведь он должен был быть чудовищных размеров.

Я шел в то утро на 23-ю стрит – на интервью в главный офис большой виноторговой компании, куда давно уже мечтал попасть. Я устал от своей, в которой начал карьеру, устал от небольших магазинов, живущих на быстром обороте самых дешевых вин, устал от необходимости уговаривать их владельцев попробовать что-то новое или выходящее за рамки привычного бюджета. Компания, где меня ждали в то утро, имела столетнюю историю, работала с самыми значительными манхэттенскими магазинами, которые обслуживали принципиально другую клиентуру. Значимость встречи, которой я так долго добивался, заслонила все остальное.

Было очень тепло, и я шел вверх по Шестой, не узнавая улицу, по которой ходил тысячу раз. Тротуары были запружены

людьми, казалось, я один куда-то торопился, все стояли и смотрели на Близнецы. У припаркованных машин были открыты двери и работали приемники – чтобы всем было слышно. Дикторы, перебивая друг друга, сообщали, что в обе башни врезались самолеты. О каких самолетах шла речь, пока было неясно. Кто-то говорил, что самолет был небольшим спортивным. Тут же последовало возражение, что от спортивного не могло быть такой огромной брешы. «Мог влететь под углом», – ответил сторонник версии о маленьком самолете. «Глупости! – снова возразили ему. – Маленький самолет не пробил бы стальные конструкции. Он бы рассыпался прямо на фасаде».

Смуглокожий уличный торговец с красной бородой, стоя у лотка с солеными кренделями, рассуждал: «Ты видел большой пассажирский самолет? Боинг 747? Как Боинг 747 поместился бы внутри этого здания? Подумай!»

О том, насколько легко «Боинг» поместился бы в этом здании, мог представить себе любой, кто хоть раз стоял возле Близнецов. С бруклинского берега они выглядели двумя легкими, светлыми башнями. Когда ты стоял возле них, они заслоняли собой все.

Все чаще звучало слово «теракт».

На 14-й стрит мне пришлось проталкиваться через толпу на перекрестке. Движение замерло – бело-голубые рейсовые автобусы, желтые такси – никто даже не сигналил, только редкие велосипедисты-рассыльные еще носились по мостовой, лавируя между замершими транспортом и людьми. Я время от времени оборачивался – дым из надреза теперь шел гуще, став

коричневым. Мужчина в стильной шляпе с яркой шелковой лентой и темно-зеленых рэйбенах, нервно сбивая пепел с сигареты, очень раздраженно говорил в прижатый к щеке телефон: «Почему ты не можешь?! Сядь в лифт! Але! Не слышу тебя! Почему ты такая беспомощная! Спроси у кого-то рядом! Але! Але! Але!»

Обгоняя меня, прошли две китайки в шортах и бородатый паренек в вязаной шапке, все трое с рюкзаками. Они смеялись и жестикулировали, происходящее вокруг, казалось, не имело к ним никакого отношения. Они как будто вывалились на эту улицу из сцены в каком-то другом фильме.

Когда я прошел мимо стоявшего у входа вахтера в коричневой форме и фуражке, тот даже не взглянул – отметил ли я в книге посетителей. Я, тем не менее, расписался в ней и проставил время. До встречи, меня пригласили на половину десятого, оставалось три минуты.

Приемная была пуста, на столе секретарши дымил пластиковый стакан из «Старбакса». Подождав минуту-другую, я сел в низкое кожаное кресло, осмотрелся. На стенах – типовые плакаты нашей индустрии – «Бушмилл», «Хэннеси», «Капитан Морган», у дальней стены – стеллаж со слегка запыленными винными бутылками. Секретарша не появлялась. Кофе на столе стыл. Подождав минут десять, я поднялся, отворил стеклянную дверь и шагнул в коридор, куда выходили двери офисов. Одна дверь была открыта, и я прошел к ней. В небольшом конференц-зале люди с застывшими лицами сидели или стояли вокруг большого овального стола и смотрели телевизор. Диктор, за которым дымили уже совершенно черным дымом Близнецы, сообщил, что только что самолет врезался в здание Пентагона. Я подумал, что он оговорился, но он повторил: в здание Пентагона в Вашингтоне.

На меня никто не обращал внимания. В кармане зазвонил телефон – это была Надя. Я вышел в коридор.

– Ты в порядке?! – мне показалось, что она выкрикнула эти слова.

– Да, а ты?

– Я – дома. Сабвей остановили. Звонила на работу, никто не поднимает трубку. Где ты? Как ты вернешься?

– Я – в Манхэттене. Буду звонить. Никуда не выходи, хорошо?

– Это – война? – спросила она, и только с ее вопросом на меня опустилась тяжелая как камень мысль о сыне.

– Я не знаю, моя дорогая. Оставайся дома. Я буду звонить. Попробуй связаться с Сашей.

Я вернулся в конференц-зал. Мысль о том, что интервью еще может состояться, странным образом не оставляла меня. Диктор сообщал, что вылеты во всех аэропортах страны отменены, в воздух подняты истребители ВВС. На телеэкране появилось очень зернистое изображение человека, размахивающего чем-то белым из открытого окна. Потом стало видно, как из соседних окон начали выпрыгивать люди – один, второй. Несколько человек за столом ахнули, кто-то страшно вскрикнул и рванул к выходу.

– Почему они не могут подняться на крышу, чтобы их сняли вертолетом? – спросил кто-то.

Никто не ответил.

«О-о, господи Боже мой, эти люди прыгают из окон! Я не могу в это поверить! – тараторил комментатор. – Нам сообщают, что из фойе башен продолжают выходить работники офисов, которые пришли на работу до теракта. Пожарные поднимаются на верхние этажи, чтобы помочь тем, кто оказался заблокированным там!»

Потом мы увидели, как южная башня накренилась и начала погружаться в забурлившее под ней серо-коричневое облако, пока не исчезла в нем.

В комнате стояла гробовая тишина. Телевизор молчал тоже.

«Я не могу в это поверить», – выдавил, наконец, диктор. Его партнер начал доклады-

вать о самолете, упавшем под Питсбургом в Пенсильвании.

Я понял, что интервью не будет, и снова вышел в коридор. Мысли в голове путались, надо было подумать о том, как добираться домой. Но вышедший следом полный мужчина в темном костюме сказал:

– Вы, наверное, Майкл Рыбаков? Я – Боб Порецки, мы говорили с вами по телефону. Пойдемте ко мне в кабинет, – он немного заикался.

За спиной крикнули: «Дорогу!»

Я отступил к стене. Из комнаты выводили высокую, черноволосую девушку в очень узком сером костюме – наверное, это и была секретарша. Ноги у нее подкашивались, ее вели в сторону приемной. Черный узконосый туфель свалился с ее ноги и кто-то из помогавших подобрал его.

– Садитесь, – сказал хозяин кабинета, в который мы вошли. – Ну, как вы думаете, что это? Муслимы?

– В Оклахоме тоже сначала думали на мусульман, – ответил я.

– Верно, – он раскрыл папку перед собой. Нижняя губа у него мелко дрожала. Ему, видно, сложно было начать говорить, и он листал лежавшие перед ним страницы. Потом, словно смахнув кулаком какую-то крошку с губы, сказал:

– Два самолета врезались один за другим в Близнецы, еще один – в Пентагон, и еще один самолет упал в Пенсильвании. Это, конечно, не просто теракт, – он бросил на меня быстрый взгляд. – Это похоже на войну. А у меня сын в морской пехоте.

– У меня тоже, – сказал я.

Он бросил на меня еще один быстрый взгляд.

– Какой год?

– Третий.

– Мой сверхсрочник – уже восьмой. А какая специальность?

– Бортмеханик.

Взяв свой подбородок в кулак, он мял его, теперь рассматривая меня в упор.

– Мой – танкист. Первыми пойдут.

Снова вернувшись к документам, сказал:

– Я слышал о вас хорошие отзывы. В целом, вы нам подходите. Остается обсудить зарплату. Просто... – он замолчал, продолжая мять подбородок. – Просто, я не знаю, что будет завтра. Хотя в таких ситуациях, народ склонен пить больше.

Он поднял трубку и ткнул два раза в клавиши. Подождав, повесил трубку.

– У нее там кто-то работал, – объяснил он. Речь, скорей всего, шла о секретарше. – Давайте так: у меня есть ваш телефон, подождем день-два, чтобы понять, что происходит.

Когда я уже был на Бродвее и Восьмой стрит, рухнула северная башня. Над крышами выходивших на Бродвей зданий стало подниматься бурлящее серо-коричневое облако пыли. Вокруг постоянно раздавались вскрики. Ускоряя шаг, я направился к Бруклинскому мосту. О том, что его тоже могут взорвать, я подумал, когда уже был на нем. От этой мысли хотелось побежать, но рядом шли другие люди, молчаливые, сосредоточенные, в обсыпанной белой пылью одежде, у некоторых лица были покрыты сажей. Теперь над южной оконечностью Манхэттена стояло огромное темно-серое облако, от которого ползла, съедая пронзительную голубизну утреннего неба, легкая серо-оранжевая завеса. Ветер уносил дым в сторону Нью-Джерси, и небо над Бруклином оставалось чистым. Там, где Гудзон вливался в Нью-Йоркскую бухту, солнце ослепительно сияло на его поверхности. Телефон больше не работал. В солнечной тишине был только слышен топот и шарканье ног тысяч идущих в Бруклин людей. Через час с небольшим я был дома.

– Саша звонил?

– Нет.

На кухне сидел наш сосед-лимузинщик Сеня. Они с женой Милой жили с нами на одной лестничной площадке, но все наше общение сводилось к «хай» и «бай» – по

утрам мы выходили из дому в одно время. Я шел на сабвей, Сеня вез жену в ВТЦ, она работала бухгалтером в какой-то финансовой компании. Офис располагался на одном из верхних этажей. Мила была широкоплечей дамой с могучей грудью и волевым лицом, он – из тех, кого зовут подкаблучниками. Когда он что-то спрашивал ее, всегда очень робко, она, не дослушав, прерывала: «Что?» Лицо у нее было такое, как будто ее оторвали от важных занятий. Он робко повторял вопрос: «Ты доставала вчера почту?»

Сейчас он был совершенно растерян. Перед ним стояла тарелка с остатками яичницы и пустая чашка.

– Представляешь, он отвез Милу на работу, минут за 20 до того, как это все случилось.

– Вы не смогли созвониться? – спросил я. Он покачал головой.

– Главное, не расстраиваться раньше времени, – попыталась успокоить его Надя. – Люди идут оттуда пешком, она могла еще не дойти, она могла, не дай Бог, конечно, попасть в больницу.

Втроем мы сели перед телевизором и слушали, потеряв счет времени, повторы одного и того же с редкими вкраплениями новостей, которые снова тут же начинали повторять. Джулиани, уродливо ссутулившийся под весом навалившейся на город беды, сказал, что число жертв может быть таким, что мы долго еще не сможем переварить его. Кто-то из выступавших добавил, что речь может идти о 30-40 тысячах. На Семене не было лица. Часов в шесть вечера он сказал, что пойдет в Манхэттен – в больницах должны быть списки поступающих туда.

– Вдруг вам позвонят из больницы, а вас не будет? – спросила Надя. – Оставайтесь, Сеня, а утром поедете. Сейчас там, наверное, полный хаос.

– Да, наверное, – вздохнул он. – Но дома я с ума сойду.

– Звоните, сообщайте, что происходит, – сказала она ему у двери.

Я его встретил через несколько дней у почтовых ящиков в фойе. Он оброс совершенно седой щетиной. Только увидев его, я вспомнил о Миле. Мысли о Саше, мы так и не смогли связаться с ним, заслонили все.

– Сеня, привет, ну что у вас?

– Ее нигде нет, – ответил он едва слышно.

– Как – нет?

– Она числится пропавшей без вести.

Он беспомощно смотрел на меня.

– Вы были во всех больницах?

– Я был в Сент-Винсент, в Методистской и в Пресвитерианской, – перечислил он.

Мы молча смотрели друг на друга, и я не знал, что сказать. Даже с учетом хаоса первых дней после теракта вероятность того, что она жива, была теперь мизерной.

– У меня был клиент в Вестчестере, – сказал он срывающимся голосом. – Я попросил ее взять трэйн, а она сказала: выйдем на 20 минут раньше и успеешь к своему клиенту. Я опаздывал, но я не хотел с ней спорить, и вот...

Тильной стороной руки, в которой у него были ключи, он стал неловко тереть глаза.

– У вас дети есть, Сеня?

Он махнул неопределенно рукой, выдохнул:

– Дочь. В Нью-Джерси.

Вечером Надя сделала для него горячий бутерброд, взяла пакетик чаю. Дверь его квартиры была открыта. Сеня лежал на диване лицом к стене. Услышав, что мы вошли, он повернулся и сел – небритый, растрепанный, под глазами темные круги. Кивнув на бутерброд, он прошептал сдавленно:

– Потом, сейчас не могу.

Я сказал, что в новостях передали, что в подземных помещениях еще могут оставаться уцелевшие. Чувство у меня было такое, что я обманываю его.

– Да-да, дай Бог, – ответил он.

Утром он уехал в офис городского патологоанатома, куда теперь съезжались все, потерявшие родственников. Идентификация останков, говорили, растянется на месяцы,

во многих случаях речь идет только о частях тел. Возвращаясь и рассказывая нам об услышанном, он спрашивал:

– Я не понимаю, если нашли, допустим, одну ногу или руку, то гроб будет обычным или каким-то специальным?

Видя наше удивление, он поторопился объяснить:

– Я как-то видел на фли-маркете старинный такой гробик для конечностей. Раньше такие делали. На случай ампутации, например. Продавец объяснил, что это делалось для того, чтобы человек мог встретить Судный день со всем, что ему там пригодится, – он показал пальцем в потолок. – Я тогда еще подумал: это так странно.

Через неделю лихорадочного разбора завалов на Граунд-зиро, так теперь называлось место, где стояли Близнецы, разговоры об уцелевших под руинами прекратились.

По дороге на работу я проходил мимо собора Святого Франциска – узкого и темного здания с запыленными витражными окнами на фасаде, сжатого с боков жилыми многоэтажками. Раньше по утрам здесь стояла небольшая очередь за бесплатным завтраком – бутербродом в коричневом бумажном пакете и банкой содовой. Несколько раз я заходил в храм. От входа до алтаря тянулись ряды скамей, никого не было даже у свечного ящика, но на узких металлических столиках перед статуями святых мерцали свечи в красных стаканчиках – свидетельство того, что кто-то здесь еще бывал.

Сейчас у входа было не протолкнуться. Я поднялся в храм – все скамьи были заняты, люди стояли вдоль стен, в центральном проходе. Под высоким сводчатым потолком стоял гул. Стоявшие у входа монахи в коричневых рясах, прикрыв глаза и ритмично покачиваясь, шептали молитвы. Точно сказано: пока гром не грянет...

В середине сентября мне удалось, наконец, созвониться с Сашей. Он сказал, что находится на Окинаве. На очень обтекаемый вопрос – какие у него планы – отве-

тил: «Папа, какие у нас могут быть планы? Выпить рюмку водки и дать кому-нибудь по морде!» Ничто не могло вытравить из него Одессу. Более точного ответа я получить не смог.

На наше требование выдать Бен Ладена правительство Афганистана ответило отказом. 20 сентября Буш доложил стране, что Конгресс дал ему добро на войну.

Но ощущение того, что дело идет к войне, возникло до выступления Буша. Оно возникло еще до того, как мы узнали о том, кто несет ответственность за угнанные самолеты, разрушенные Близнецы и три тысячи погибших под их руинами. Я понял, что войны не избежать, когда увидел трех молодых женщин с самодельными плакатами «Вы – наши героини!» на Вест-сайд хайвей. По ней шел поток тяжелых грузовиков, вывозивших руины с Граунд-Зиро. Три молодые женщины в джинсах и белых майках с логотипом «Я люблю Нью-Йорк», где слово «люблю» заменяло красное сердечко, держали эти плакаты в загорелых руках как призыв к возмездию.

Вторжение

Война началась 7 октября. Мы были на Лонг-Айленде у Полтораков, еще с нами были Олег и Аня Санины – владельцы большого винного магазина в Бруклине.

Было тепло, и Вера устроила застолье на террасе. Желтая и багряная листва горела на солнце, цветы гортензий, окружавшие дом, приобрели свою роскошную охряно-бурую осеннюю окраску. Вера пошла на кухню за очередной порцией закусок и, пока я разливал вино, принесла бутерброды из черного хлеба со сливочным маслом, яйцом и тюлькой, присыпанные свежим укропом. Фраза, которую она произнесла, устраивая блюдо на столе, казалось, не имела решительно никакого отношения к этой встрече:

– Только что начали бомбить Афганистан. По телевизору передают.

Мы с Надей, как по команде, поднялись из-за стола и пошли в гостиную. Виктор с Олегом последовали за нами. Диктор, стоя у карты Афганистана, сообщал о массированном налете на военные базы террористов. Потом к разговору подключились эксперты. Один рассказывал, что наша авиация использует бомбы нового типа, которые сбрасывают на парашютах, чтобы самолет успел отлететь подальше – на месте падения они сжигали воздух.

– Базы террористов! – язвительно заметил Олег. – Это сараи, в которых они спят? Пахнут землю за наш счет и все.

– А что ты хочешь? – удивился Виктор. – Пентагон это большое производство с самым лучшим в мире заказчиком – американским правительством. Чтобы производство не останавливалось, запасы товара надо постоянно реализовать. Ты, например, знаешь, сколько стоит одна бомба?

– Как магнум «Шато Петруса»? – предположил Олег.

– Бери навуходоносора! – засмеялся Виктор. – Это же тебе не ящик динамита, это высокоточное устройство с лазерной наводкой!

Магнумом в моем бизнесе называют полторалитровую бутылку, навуходоносором – пятнадцатилитровую.

– Нет, ты вникни, – продолжал Виктор. – Насколько дешевле было бы запустить одну-единственную ракету непосредственно в то место, где находится этот их Бен Ладен. Скажем, когда он будет выступать на каком-нибудь своем муджахединском съезде в оперном театре Кабула. Он на трибуне, за ним – политбюро, перед ним – весь партийный и профсоюзный актив. Перед запуском можно даже позвонить и вызвать пожарных. Ради смеха. Але, Кабул? У вас пожар в театре! Что значит, не может быть?! Еще как может! Начало через 30 секунд, засекайте время! Но как можно заработать на

войне, которая оканчивается после первого залпа?

– Витя, у нас каждый очередной президент берет на себя обязательство не заниматься убийствами глав других государств и не нанимать для этой цели третьих лиц, – сказал я.

– Подозреваю, что текст этого обязательства написан в Пентагоне, – возразил Виктор.

– Нет, я больше не могу это слушать, – Надя поднялась и вышла на террасу.

– Это она про нас? – спросил Олег. – Или про новости?

– Мишаня, ты же знаешь, Сашка для нас как родной, – сказал Виктор, обнимая меня за плечо. – Это же мы так, отстраненно.

– Да ясно, что отстраненно.

Я вышел следом за Надей. Опершись о перила террасы, она курила.

– Ну, что, – она выпустила струю дыма, – приехали?

– Не торопи события, он пока в Японии.

– Именно, что пока, – согласилась она. – И потом, откуда такая уверенность? Он, что сейчас скажет нам – где он?

Мы вернулись домой рано и, когда раздевались в прихожей, в дверь позвонили. На пороге стоял Семен. Он ужасно осунулся, костюм висел на нем мятым мешком. В одной руке у него был чемодан.

– Хочу оставить вам на всякий случай, – сказал он, протягивая мне конверт. – Тут ключи от квартиры и мой номер телефона. Дети забирают к себе. Позвоните в случае чего.

– Не пропадите, Сенечка, звоните нам тоже. – Ступив к нему, Надя обняла его. – Вот война началась, слышали? А Саша наш на службе.

– Ну, дай Бог... – он тяжело сглотнул и не сказал – просипел:

– ... чтобы, не как у меня.

Стоя у кухонного окна, мы видели, как он вышел из парадной и, переваливаясь с ноги на ногу, как Чарли Чаплин – вдруг по-

думал я, направился к своему «линкольну». Потом остановился и обернулся, будто его окликнули. Из стоявшего рядом внедорожника вышла женщина лет сорока – высокая и крупная, как Мила, стала говорить ему что-то. Наверное, это была его дочь. Он послушно пошел к ней. Она открыла для него заднюю дверцу своей машины, он сперва поставил на сиденье чемодан, потом забрался сам.

Его «линкольн» простоял у дома еще несколько недель – под дворником собрался растрепанный ворох оранжевых конвертов со штрафами. Потом машина исчезла. То ли он сам ее забрал, то ли ее отбуксировали на штрафную площадку.

Средство для посеждения

Установленная на подоконнике окна какой-то багдадской гостиницы камера показывала нам, сидящим у телевизора, внутреннюю часть стены гостиничного двора, верхние этажи блочного дома на другой стороне улицы, мохнатые верхушки пальм, и за ними – гудящую красно-коричневую завесу вместо неба. Время от времени стена и верхние этажи дома вздрагивали. Вырвавшихся из этого пекла трудно было обвинять в трусости. Там, где все находящееся между небом и землей стало одним беспрестанно содрогающимся, грохочущим, огнедышащим целым, смысл слов «долг» и «достоинство», «трусость» и «отвага» исчез. Реальное содержание появилось только у одного слова – «смерть». Мне так казалось.

С первых дней вторжения на нас хлынул поток имиджей поверженного врага. Старик в тюрбанах с темными морщинистыми лицами, сгибаясь, целовали руки нашим солдатам. Те смущенно улыбались и пытались отстраниться от такого проявления раболепия. Солдаты противника выходили из пыльных пальмовых зарослей с поднятыми руками, без поясных ремней. Встав на ко-

лени, продолжали держать руки в воздухе. Перед вторжением бедолаг несколько дней бомбила наша авиация и одновременно шел ракетный обстрел с кораблей. Уцелевшие воевать больше не могли.

На войне моего отца, я думаю, этих пленных, скорей всего, прикончили бы на месте, невзирая на поднятые руки. Отвели бы за ближний сарай, в лесок, к придорожной канаве и – конец делу. За скорой расправой стояли ненависть или страх – два чувства, которые можно испытывать к людям, равным по физическим возможностям, но переступившим черту общей морали. Ты сжег мой дом, убил мать, изнасиловал сестру, а теперь поднял руки в надежде на пощаду? Но этот «враг» не совершал никаких преступлений на твоей земле против твоих родных. Отсюда эта готовность протянуть руку этим ошалевшим от ужаса, потным, покрытым песком и сажей сверстникам, которых унижали, наверное, больше, чем учили воевать.

Принимая помощь, те вымученно улыбались, поднимаясь в кузова машин, рассаживались на скамьи вдоль бортов. Они знали, что худшее – позади. Смерть дала отсрочку. В лагере их отправят в баню, а потом в столовую, где накормят, как, наверное, никогда не кормили при их Саддаме. Их Саддаме! Разве они выбирали его?

Я с усилием отрывался от телевизора, где по-прежнему полыхал и вздрагивал от ударов чудовищного молота красно-коричневый ад. Какой, интересно, бесноватый поэт сочинил название для этой операции – «Шок и трепет»? Чему еще живому было там трепетать?

Пока Саша летал в Фалуджу, Надя поседела так, что, когда к нам вернулась возможность шутить, я стал называть ее экстремальной блондинкой. Некоторые наши знакомые называют цвет ее волос «платиновым», но никакие искусственные красители не дают такого эффекта, как вечерние репортажи «Фокс-ньюс». Мне посеждение

не грозило, я – лыс. Мы сидели как завороченные, глядя на бегущую по нижней части экрана строку с последними сводками с фронтов.

– Хочешь коньяку?

– Давай.

Саша летал бортмехаником на СН-53 – «Морском жеребце», как его еще называют. Еще одним вкладе русского человека – Игоря Сикорского – в мощь приютившей его страны.

Через неделю боев в Фалудже, мы потянули первого «жеребца». Надя молча ушла в спальню. За ночь она ни разу не шевельнулась. Иногда мне казалось, что она перестала дышать. Но я и сам едва дышал. И едва соображал. Я включил компьютер и, найдя номер справочной службы Корпуса морской пехоты в Вашингтоне, набрал его. Когда на том конце подняли трубку, я, сильно заикаясь, представился и сказал, что хочу выяснить, нет ли фамилии моего сына в погибшем экипаже СН-53. Я не знаю, вызвал ли мой звонок недоумение. Не исключаю, что с подобными вопросами по этому телефону теперь звонили часто. Потом мне ответили:

– Сэр, в соответствии с действующими инструкциями, семьям погибших сообщают об их потере при личном визите. Я понимаю ваше волнение, но я ничем не могу вам помочь, сэр.

Я поблагодарил и повесил трубку. Безумие, однако, уже прочно поселилось в моей голове и начало разрастаться. Я вышел на вебсайт Белого дома и отправил президенту Бушу короткое письмо о том, что, как отец, имею право знать о судьбе своего сына.

Оставив компьютер включенным, я вернулся к Наде и лег рядом. Это была странная и тяжелая ночь. Я не понимал – сплю ли я, и если сплю, то не снится ли мне, что я бодрствую и думаю, что хорошо бы заснуть, потому что через несколько часов подниматься на работу.

Саша, зная, что мы теперь живем возле телевизора, позвонил на следующий день и

сообщил, что с ним все в порядке. Но погибший вертолет был из его звена. По голосу было слышно, что устал, говорил коротко, но со своим обычным «хе-хе». Он звонил из подразделения англичан, где работала связь, но берег минуты на своей карточке, поэтому попросил только передать матери привет. Может быть, сам, находясь в сильном напряжении, остерегался услышать ее рыдания.

Звонок вернул Надю к жизни. Она поднялась, пошла на кухню. В полутемном коридоре она придерживалась рукой за стену. Бог мой, как моментально она состарилась. На кухне набрала воду, стала пить. Поставив стакан, сказала, глядя на меня: «Ну у тебя и вид, мой дорогой».

Сев к открытому окну, закурила, жадно затянулась, выпустив струю дыма, сказала: «Телевизор не включаем. Я этого больше не перенесу».

Вечером я видел, как она походила возле телевизора, как наркоман, смиряясь с мыслью об очередной уступке болезненной страсти, и взяла с журнального стола пульт.

«Внимание, вы в зоне, где говорят только правду!» – сказал с экрана Билл О'Райли и, покрутив в воздухе авторучкой, направил ее на нас.

Через полгода вернувшийся в Штаты Саша рассказал: в пылу погрузки – боезапас забирали с позиции, которую предстояло оставить – второй вертолет перегрузили. В полете у него заклинило ротор. Его не сбили, он просто рухнул с километровой высоты.

– Это могло случиться и с твоей машиной? – спросил я.

– Ну, нет, – ответил он с удивившей меня уверенностью. – Я считаю, сколько груза мы берем на борт.

– Что ты имеешь в виду?

– Если ты знаешь, что сколько весит, то все, что тебе нужно – это знать сложение. А потом ты говоришь своим пассажирам, что если они хотят взять еще, то лучше подо-

рваться прямо на месте и никуда не лететь. Хе-хе. Думаешь, у меня напрасно пятерка по математике была?

– Тем удивительней, что ты с этой пятеркой оказался в Ираке.

– Ничего, папа, это временно.

Семейный доктор и подруга Вера Полторацкая предложила нам выписать Прозак или что-то вроде него, для успокоения нервов.

– Полстраны на нем сидит, у вас хоть реальная причина для этого есть, – сказала она.

– То есть я буду хоронить его после каждой новости, но при этом перестану волноваться? – поинтересовалась Надя. – Очень интересно!

Она вышла из кухни, где мы сидели, а Вера сказала:

– Сначала все отказываются, боятся химии, привыкания. А что делать? Вы же так с ума сойдете.

Прощаясь в прихожей, Вера обняла Надю:

– Прости меня, Надюха, со всеми говорю как с пациентами. Прости. Ну, не знаю, что тебе сказать. Начни в церковь ходить, я сама не пробовала, но, говорят, помогает. Это я серьезно, между прочим.

Мы вернулись на кухню. Я стал убирать посуду в моечную машину, Надя устроилась с сигаретой у окна.

– Химия... Привыкание... Дело совершенно не в этом, – она выпустила струю дыма в окно.

– А в чем?

– Ты вообще понимаешь, что это МЫ его отвезли на вербовочный пункт? Сами взяли и отвезли.

– Во-первых, тогда не было войны. И она не предвиделась. Во-вторых, это было его решение. Мы его только поддержали.

– Вот именно! А я – мать. Я должна была лечь на пороге и сказать: через мой труп. А теперь, когда он воюет, я буду глотать таблетки, чтобы ни за что не переживать! Нет, отмучаюсь с ним. Я это заслужила.